

Доверие рождает ответственность

Андрей МАХАНЬКО,
руководитель
МОО «Понимание»

В конце лета – начале осени правоохранные органы фиксируют скачкообразный рост числа заявлений по поводу случаев насилия над детьми. Это связано с периодом сезонной активизации выявления: лето, минимум одежды и максимум свободы, в том числе от присмотра взрослых. Потом дети возвращаются с каникул, и шокированные родители и учителя начинают сигнализировать о вопиющих фактах. Хотя в целом статистика такого рода преступлений в нашей стране достаточно спокойная: их ежегодное количество в несколько раз ниже, чем, например, в сопоставимой по числу жителей Швеции. Но Андрей МАХАНЬКО, руководитель Международного общественного объединения «Понимание», видящего свою основную цель в предотвращении насилия над детьми, предлагает здесь делать поправку на особенности национального менталитета, обуславливающие высокую латентность данного вида преступлений.

– **О**тдавая должное моральным качествам белорусского народа, а также принимая во внимание, что по известным причинам наше общество почти не затронули веяния сексуальной революции, позволю себе все-таки усомниться, что наши соотечественники по своей природе в разы нравственнее среднестатистических европейцев. Скорее дело в другом: у нас по различным причинам – и ментальным, и, возможно, определенного дефицита доверия к правоохранным органам признаться в чем-то подобном постыдно. По мнению доктора психологических наук, профессора В.А. Янчука, которого я во многом считаю своим учителем, для славянской ментальности вообще характерно опасение показаться слабым, обратившись с просьбой о помощи. За этим стоит убеждение, что тебя могут счесть никчемным человеком, значение которого в обществе стремится к нулю. На самом деле это, конечно же, не так: каждый человек важен, и если кто-то из нас просит о помощи, это проявление силы, а не слабости духа. Тот, кто на это решился, признает, что в чем-то он испытывает дефицит, и просит поделиться с ним того, у кого требуемое качество в избытке. Но у того, к кому я обратился, в свою очередь может оказаться дефицит того, что в состоянии предложить я. Собственно, в этом взаимобмене и заключается суть человеческой интеракции, представляющей собой смысл гражданского

общества. Его элементы и старается развивать наше объединение, стремясь наладить максимально эффективное межсекторное взаимодействие в такой важнейшей и чувствительнейшей сфере, как борьба с насилием над детьми – ведь педофилия не знает ни национальностей, ни рас, ни границ, это общемировая проблема, от проявлений которой не застрахован никто.

– **Значит ли это, что ваше объединение концентрируется на борьбе со случаями преимущественно сексуального насилия над малолетними?**

– Разумеется, нет – речь идет о предотвращении насилия в самом широком понимании этого слова. Есть такой феномен, в английском он называется резилиенс (resilience), что по-русски означает сопротивляемость человеческой психики тому или иному воздействию. Одни люди могут иметь высокий уровень такой сопротивляемости, а другие средний или низкий: от этого, собственно, и зависит глубина и степень тяжести травмы для психики ребенка, который перенес насилие. Для кого-то пощечина матери или подзатыльник отца могут стать травмой на всю жизнь. Мы недавно закончили психологическое исследование, в котором принимало участие около 2 тысяч человек в возрасте от 18 до 26 лет. На европейские стандарты причисления к молодежи мы ориентировались сознатель-

но, чтобы впоследствии иметь возможность сравнивать результаты исследования с показателями соседних стран. Так вот, самое большое число опрошенных, около 70 %, заявили, что наиболее травматичным событием их детства было эмоциональное насилие. Однако преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних все же представляют собой самую большую часть насилия над детьми – не по количеству, но по боли, которую они вызывают, по остроте и, я бы сказал, по возмутительности.

– И все-таки, судя по эфирному времени, газетным площадям и объемам информации, внимание, уделяемое этой теме, иногда представляется чрезмерным. Не граничит ли такая шумиха в СМИ со спекуляцией на «горячей» теме, а то и со смакованием?

– Есть темы чувствительные, чувствительные, и через тему защиты детей от насилия выражается не только стремление общества стать совершеннее, но и стремление заработать. Кстати, это относится не только к теме педофилии, но и к основным сюжетам, составляющим содержание большинства новостных выпусков. Сообщения о стихийных бедствиях, техногенных катастрофах, революциях заставляют человека проявлять эмоциональное отношение к происходящему. Так обостренно людям свойственно реагировать на то, что не укладывается в общепринятое представление об идеальном мироустройстве. Это на самом деле дилемма, но стремление общества показать имеющийся негатив для того, чтобы принять соответствующие меры и за счет этого очиститься, считаю, заслуживает всяческого уважения. Именно такой позиции придерживается наше объединение. Для нас не имеет большого значения, насколько широко будет освещен тот или иной факт, но во все обойтись без показа возникшей коллизии, пожалуй, не удастся. Так устроены психика человека, его сознание: только реально увидев или услышав, что произошло с другим, он может составить представление о произошедшем и вынести ему моральную оценку. Для того чтобы победить врага, нужно знать его в лицо.

– Но, наверное, еще более важно познакомить с такими фактами не просто общественность, а людей, специали-

зирующихся на оказании квалифицированной помощи – психологической, правовой и т.д.

– Именно этой цели и служит общенациональная Детская телефонная линия помощи 8–801–100–1611, открытая в стране чуть более года назад при активном участии нашего объединения. Здесь мы видим уникальный и несомненно успешный конгломерат партнерства всех секторов общества. Прежде всего, мне хотелось бы отметить очень важную роль Министерства здравоохранения, под руководством которого, на основании предшествовавшего решения Комиссии по делам несовершеннолетних при Совете Министров, в апреле 2011 года Детская линия была открыта. Одним из главных партнеров, задействованных в ее функционировании, выступает Республиканский научно-практический центр психического здоровья, чей общенациональный статус как нельзя лучше соответствует задачам проекта, изначально призванного охватить всю республику. Кроме того, общеизвестно, что именно в РНПЦ психического здоровья сосредоточены лучшие в своей области специалисты – особым образом подготовленные клинические психологи и детские врачи-психотерапевты.

На III международной конференции «Безопасная Беларусь для детей». Февраль 2012 года

Принципы общенациональной Детской линии помощи достаточно просты: она работает 7 дней в неделю 24 часа в сутки, сообщить о произошедшем и получить квалифицированную помощь можно, позвонив туда из любого уголка страны с проводного телефона

или МТС абсолютно бесплатно. Последнее тоже является результатом государственно-частного партнерства, в данном случае с телекоммуникационным сектором. В частности, Министерство связи и информатизации утвердило договоры спонсорской помощи с республиканским унитарным предприятием «Белтелеком». Считаю, этим национальный оператор как нельзя лучше продемонстрировал понимание в полном объеме своих обязательств перед обществом. Кстати, данные обязательства прописаны на международном уровне: являясь членом ООН, наша страна полностью разделяет все положения основополагающих документов этой организации, в том числе касающиеся Международного союза электросвязи. А в рекомендациях последнего, согласованных с Исследованием Генерального Секретаря ООН жестокого обращения с детьми, четко прописано, что основным проявлением социальной ответственности телекоммуникационного бизнеса является поддержка именно таких линий. Никто из детей, родителей или специалистов, звонящих на «зеленый номер», не платит ни копейки за свой звонок. Кроме того, мы, как организация, обслуживающая Детскую линию, тоже освобождены от абонентской платы, тарифной платы за звонки, потому что эта деятельность имеет исключительную общественную важность.

Среди частных мобильных операторов в этом отношении пошел нам навстречу только МТС, который охотно и с готовностью предоставил для Детской линии такие возможности. Позиции двух других крупнейших мобильных операторов пока я предпочитаю не комментировать, откладывая решительные действия в союзе с акционерами в ожидании социально-ответственного решения их текущих руководителей.

– Чем объяснить то значение, которое ваша организация, судя по всему, придает функционированию Детской телефонной линии?

– Она является точкой входа в систему. Позвонивший туда рассказывает, что произошло, с кем, как, и получает немедленную помощь квалифицированного врача-психотерапевта или детского психолога, в зависимости от того, кто дежурит на линии. Если существует такая потребность, случай переадресуется: в правоохранительные ор-

ганы, другим врачам при необходимости оказания дополнительной медицинской помощи, органам охраны детства, социально-педагогическим центрам, территориальным центрам социального обслуживания, собственно, тому элементу социальной системы

Традиционный праздник для маленьких детей и молодых родителей – «Забег ползунков». 1 июня 2012 года

нашей страны, который по своему мандату должен вмешиваться в возникшую ситуацию и разрешать ее. Таким образом, на Детскую телефонную линию возлагаются две основные функции: предоставления немедленной помощи и переадресации для дальнейшего реагирования.

– Вы сказали, что Детская телефонная линия является точкой входа в систему. О какой системе идет речь?

– Это именно та система по предотвращению насилия над детьми, создание которой является главной целью деятельности нашего объединения на текущем этапе. Мы не пытаемся изобретать велосипед. Существуют давно созданные и апробированные практики. Выбрав со всего мира лучшие из них, мы долго изучали имеющиеся подходы с целью выяснения, какие элементы в нашей стране дефицитарны. Думаю, никто не станет отрицать, что на сегодняшний день в Беларуси построена очень хорошая система опеки, охраны детства. Ее инфраструктура, включающая разветвленную сеть социально-педагогических центров с детскими социальными приютами, секторы отдела охраны прав детства и так далее, представлена как на республиканском, так и на областном и районном уровнях. Все это,

безусловно, необходимо не просто сохранять, но и развивать, чего мы и стремимся достичь за счет присоединения к существующим новым элементам.

Следующим элементом в системе являются правоохранительные органы. Если в отношении ребенка совершено преступление или другое правонарушение, Детская линия помощи сообщает об этом в милицию, которая проводит проверку материалов. Преступления, совершаемые против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, поступают в ведение Следственного комитета. После этого назначается опрос либо взятие объяснений, происходящее в дружественных детям условиях. Такие условия у нас на сегодняшний день созданы в двенадцати точках нашей страны, которые, кроме столицы, находятся практически во всех областных центрах, а также в Калинковичах, Новополоцке и Чашниках. До конца года мы планируем открыть такую комнату в Бобруйске и, может быть, еще в нескольких населенных пунктах – это будет зависеть от возможностей бюджета организации и стремления наших партнеров в лице местных органов исполнительной власти.

– Что Вы имеете в виду, говоря о дружественных для ребенка условиях?

– Ребенок, переживший насилие, получает не только физическую, но и тяжелейшую моральную травму, которая многократно усугубляется, если рассказ о произошедшем приходится повторять снова и снова. А ведь при прежней системе количество подобных опросов, учитывая все стадии, доходило до 13, а бывало и больше. Так что минимизация количества опросов прежде всего направлена на избежание повторной травматизации психики ребенка. Есть у новшества, которое внедрено с нашим участием, и другая, не менее важная цель – обеспечение надежности и качества показаний несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля. Ведь исследования однозначно демонстрируют: показания сохраняют свою приемлемую правдивость для суда, будучи повторенными в среднем не более четырех раз. Это связано с особенностями воспроизведения события ребенком: первый раз ребенок рассказывает о том, что с ним случилось, второй – о том, как он рассказывал о том, что

с ним случилось, третий раз – о том, как он рассказывал о том, как он рассказывал о том, как он рассказывал и так далее. На пятый или шестой раз истины в повествовании может не оказаться вовсе. Неудивительно, что профессионалы из Следственного комитета, прекрасно знакомые с таким феноменом, восприняли нововведение на ура.

На сегодняшний день опросы происходят минимум дважды. Первый – на этапе проверки материалов по делу. По ее результатам следователь принимает решение – возбудить уголовное дело либо отказать в его возбуждении. Далее, на этапе следствия, если дело возбуждено, нужно вновь провести процессуальное действие: допрос несовершеннолетнего потерпевшего. Помещение, должным образом обустроенное для проведения опросов пострадавших детей, оборудовано минимум двумя камерами, которые записывают беседу ребенка и опрашивающего его психолога. Все, включая обстановку, продумано так, чтобы обеспечить максимально благоприятную атмосферу. После окончания опроса запись упаковывают в конверт, запечатывают и передают следователю.

Гипотетически существует необходимость повторить показания еще раз, когда ребенка вызывают в суд. Но наши судьи прекрасно понимают необходимость бережного отношения к детской психике и стараются тщательно изучать и принимать показания, полученные на этапе предварительного следствия, конечно, при условии, что они четкие, качественные и их достаточно для принятия решения о виновности подсудимого.

– Понятно, что вещи, о которых рассказывается в комнатах опросов, не предназначены для посторонних ушей. И все же, не могли бы Вы привести какой-нибудь типичный пример данного рода преступлений?

– К сожалению, за ним далеко ходить не нужно. Вот сравнительно недавний случай: ребенок, которого мама незадолго до окончания смены забрала из лагеря, расположенного в Минском районе, ошарашил ее рассказом о том, как другие дети издевались над ним с элементами сексуального насилия. Причем последнее не служит свидетельством аномально раннего пробуждения

полового инстинкта, как может показаться на первый взгляд. Вовсе нет – большинство преступлений, совершаемых сегодня детьми против детей, творятся ради куража и забавы. Насмотревшись грязного видео, некоторые из них не могут придумать ничего лучшего, как взять мобильник с камерой и снимать непотребство, совершаемое в отношении другого ребенка. Кроме того, порой эти циничные поступки находят «благодарных» зрителей из числа сверстников юного злоумышленника. Такое явление нельзя назвать повальным, но и из ряда вон выходящими подобные факты тоже, к сожалению, не являются.

С мамой ребенку повезло: она написала заявление в милицию, пострадавшему была назначена экспертиза. Не понадобилась даже запись: ребенок все сразу рассказал следователю, причем в деталях, с соблюдением логической последовательности. Такой вариант приемлем, ведь ребенка нельзя останавливать, если начал обо всем рассказывать, особенно процессуальному лицу. Главное – доверять детям, пострадавшим от насилия. Это – непереносимое условие, без которого говорить о наличии дружественной среды вообще не приходится. Доказано, что сексуальное насилие – не та тема, по поводу которой дети склонны присочинить. Скажем, девочка-подросток 15–16 лет с большим удовольствием поведает о принце на белом мерседесе, чем о том, что кто-то завел ее в сарай или подвал и сделал с ней что-то постыдное. Это не прибавит ей авторитета в подростковой среде, совсем наоборот. Поэтому в 99 % случаев рассказанное детьми-жертвами – правда.

– Иначе говоря, детей, пострадавших от насилия, порой приходится защищать от самих детей?

– Да, бывает, к сожалению, и такое. И это тоже очень серьезная правовая коллизия, потому что в нашей стране уголовная ответственность за тяжкие и особо тяжкие преступления наступает с 14 лет. Малолетнего насильника в принципе практически невозможно наказать за его преступление теми методами, которые используют правоохранительные органы в отношении тех, кто старше 14. Можно, конечно, опустить планку уголовной ответственности до 12 и даже 10 лет, но опыт стран, прибегавших

к подобной мере, показывает, что она не уменьшает количества преступлений полового характера, совершаемых несовершеннолетними или малолетними в отношении малолетних. На мой взгляд, здесь должны иметь место другие способы. Очевидно, в отношении таких детей следует расширить применение профилактических мероприятий, должно быть создано больше условий для их перевоспитания, возможно, в закрытых воспитательных учреждениях.

Есть здесь и другой момент: специальные исследования, проводимые в том числе объединением «Понимание», показывают, что больше чем в $\frac{2}{3}$ случаев юный насильник сам стал когда-то жертвой насилия.

– Не могли бы Вы рассказать об этих исследованиях подробнее?

– Здесь необходимо вернуться в историю нашего объединения. Оно было создано в 2000 году, и тогда же мы начали заниматься детьми риска, открывая для них лагеря. Понимание того, что дети риска сами были когда-то жертвами, пришло практически сразу же. Свои исследования мы сконцентрировали в интернатных учреждениях, потому что они по понятным причинам представляли собой средоточие подобного риска. Работы, проводимые нашими специалистами в этой области в течение 2004–2006 годов, окончательно убедили в выводе: решение о закрытии интернатных учреждений, принятое на государственном уровне, является абсолютно выверенным. Можно только приветствовать и проводимую политику деинституционализации воспитанников, потому что полноценное воспитание ребенка невозможно осуществить вне семьи. В очень редких случаях, когда Господь заложил в ребенке поистине выдающиеся задатки, он сможет побороть последствия травмы сиротства, пребывания в интернатном учреждении и в будущем полноценно построить свою жизнь, не допустив, чтобы его дети повторили его судьбу. Но чаще, к сожалению, все происходит по более пессимистическому сценарию. Только семья может дать ребенку тепло, заботу и те самые жизненные навыки, которые не прививаются в рамках интернатных учреждений, несмотря на все попытки, предпринимаемые многочисленными подвижниками и энтузиастами педагогики, которые трудятся там за весьма скромное вознаграждение.

После Второй мировой войны решение о создании интернатов было объективно необходимым и исторически оправданным. Все изменилось, когда в 60-е годы прошлого века интернаты объединили со школой и создали школы-интернаты. Да, многим это помогло защитить докторские диссертации и сделать успешные карьеры, но иначе как системной ошибкой такой шаг называть нельзя. Административно-командный идеал воспитания в учреждении казарменного типа вдребезги разбился о реалии иной формы общественного устройства. Стало окончательно ясно, что человек, приспособленный к жизни в незарегламентированном обществе и способный осознанно принимать на себя ответственность хотя бы за себя самого, может быть продуктом только семейного воспитания. Опять же, возвращаясь к ответственности: один из краеугольных камней, на которых строит свою деятельность наше объединение, – это посыл, что доверие рождает ответственность. Человеку, ребенку в данном случае, изначально нужно доверять, шаг за шагом делегируя ответственность, и тогда он проявит ее в дальнейшем самостоятельно.

– Но в том, что касается процесса реабилитации детей, ставших жертвами насилия, очевидно, без наличия специализированных государственных учреждений обойтись невозможно?

– Разумеется. Не случайно наши комнаты опросов в большинстве своем расположены в социально-педагогических учреждениях. Ребенку, который поступает в детский социальный приют, после опроса на предмет выявления насильственных действий в отношении него может быть тут же предоставлена реабилитация. Очень серьезное пожелание Министерства образования Беларуси, касающееся нашей деятельности и высказанное заместителем министра Виктором Якжиком, в том и состоит, чтобы мы налаживали тесное сотрудничество с социально-педагогическими центрами именно в плане реабилитации детей, пострадавших от насилия. Система реабилитации, построенная в соответствии с этими рекомендациями, начнет работать в самое ближайшее время.

– Таким образом, вырисовываются три блока системы помощи де-

тям, которые пострадали от насилия: общенациональная Детская линия, сеть дружественных детям комнат опроса и реабилитационный сервис для жертв жестокого обращения. А предусмотрены ли в этом комплексе еще какие-либо компоненты?

– Конечно, причем их разнообразие чрезвычайно велико. Но прежде всего я бы выделил два комплементарных сервиса, создание которых в нашей стране близится к завершению. Один из них как раз и направлен на оптимизацию отношений в семье – правда, на такой болезненной стадии ее существования, как развод, когда

Вручение призов самым быстрым ползункам. 1 июня 2012 года

угроза для соблюдения интересов ребенка особенно велика. Известно, что процент разводов в Беларуси очень высок. Впрочем, это характерно не только для нашей страны. К сожалению, девальвация института семьи и брака стала сегодня общемировой тенденцией. Наше объединение считает необходимым всеми доступными способами ей противостоять. Ведь семья – это основа всему, это то, что даровано нам свыше, и мы ни в коем случае не должны допустить, чтобы она исчезла.

Я уже говорил об исследованиях, посвященных изучению степени травматичности различных факторов в жизни ребенка для его психики. Согласно его результатам, наиболее травмирующим событием детства для 49 % респондентов стал развод родителей, причем среди женской части участников эта цифра достигает 67 %. Конечно же, мы не

претендуем на решение этой проблемы, которое, очевидно, лежит в профилактической плоскости. Мы лишь хотим усилить элемент защиты детей во время развода родителей. На его различных этапах взрослые люди порой ведут себя совершенно неадекватно, что причиняет детям дополнительные страдания. Особенно недопустимо, когда ребенок становится объектом дележки, к тому же очень часто предметом спора является не он сам, а переходящие стороне, которая претендует быть определенной судом ответственной за его воспитание, материальные блага.

Мы предлагаем свой вариант разрешения конфликта в форме своеобразного разводного контракта, или соглашения о детях, которое предлагает суд. Предполагается, что с семьей будет работать междисциплинарная группа специалистов, в которую войдут психолог и адвокат. Все они совместно попытаются определить наиболее болевые точки процедуры развода, чтобы постараться их обойти. Сейчас мы обкатываем различные варианты такого соглашения с тем, чтобы если не избежать, то хотя бы минимизировать порцию травмы, получаемой ребенком, и не допустить, чтобы он был лишен заботы и любви одного из родителей. Итогом же своей деятельности в этом направлении объединение «Понимание» видит создание центра содействия семейному правосудию, который занимался бы решением этих вопросов.

– Верно ли я поняла, что борьба по предотвращению насилия над детьми и усилия по защите интересов семьи в деятельности объединения взаимосвязаны?

– На самом деле эти две задачи неразделимы. Вот почему еще в 2005 году мы начали реализацию программы поддержки родительской семьи социального риска. На сегодняшний день она переросла просто в программу поддержки родительской семьи. Сразу оговорюсь: эта программа экспериментальная, она очень ограничена в средствах, и говорить о том, что завтра мы можем объять ее мероприятиями всю страну, даже один административный район, не приходится. Цель ее, как, собственно, и других элементов системы по созданию гуманного мира для детей, другая – формирование пилотной инфраструктуры для достижения намеченных ориентиров с тем, чтобы впоследствии их

можно было уже в готовом, апробированном виде распространять на всю республику.

Итак, на сегодняшний день в экспериментальную программу, о которой идет речь, включено 13 семей. Основанием для этого может быть наличие мельчайшего индикатора неблагополучия: допустим, неполная семья, двое детей, и мама, как говорят в народе, чуть-чуть подседа на стакан, то есть стала слегка злоупотреблять спиртным. При этом она осознает, что ситуация выходит из-под контроля, пытается исправить положение, обращается в социально-педагогический центр, откуда звонят нам, и мы включаем такую семью в программу. Ее суть состоит в обмене благами. Наше объединение предоставляет небольшую, я бы сказал, чисто символическую финансовую помощь по оплате коммунальных услуг, она не превышает 50 тысяч рублей в месяц. Взамен мы просим от семьи демонстрировать прогресс по очень простым показателям. Прежде всего, это группа базовых индикаторов: ребенок должен быть сыт, одет, посещать школу. Если это сельская местность, к перечисленному добавляется наличие отопления. Во вторую группу показателей, которые мы стремимся отслеживать, входят индикаторы развития. Они тоже очень несложные: ребенок демонстрирует стабильную либо растущую успеваемость в школе, посещает спортивные секции, кружки по интересам, и у него стабильное психоэмоциональное состояние. Раз в полгода осуществляется мониторинг: мы разговариваем с детьми, с родителями, со школьными учителями и социальными педагогами, определяем направления дальнейшего сотрудничества.

– Действительно, разнообразие элементов, которое можно привносить в систему, впечатляет.

– Да, к тому же мероприятиями, которые я приводил в качестве примера, это разнообразие отнюдь не исчерпывается. Одно время мы практиковали совместный ремонт жилья. Собирается семья, соседи, представители сельхозпредприятия, ЖЭСа, предприятия, курирующего соответствующий район, спонсоры, которых у нас принято называть шефами, – настоящая белорусская толока, и все берется за дело. Затраты минимальны: обои, краска, может быть, линолеум, если он пришел в негодность. Ведь на самом деле требуется немного – создать

условия для старта. Следующий элемент – помочь поменять той же одинокой маме работу на такую, где ей будут платить больше в соответствии с ее квалификацией. Если квалификации не хватает – всегда существует возможность подучиться на курсах центра занятости. Собственно, в том, о чем я говорю, нет никакого открытия, подобные программы уже используются социально-педагогическими центрами. Велосипед давно изобретен, вопрос в том, как на нем ехать. Это вновь возвращает нас к посылу, что существующую систему охраны детства надо обязательно сохранять и развивать, инвестируя в нее средства и технологии, чтобы в полной мере использовать заложенный в ней потенциал, весьма значительный.

– Это также, как нетрудно заметить, вновь возвращает нас к теме государственно-частного партнерства. Какие еще примеры такого рода сотрудничества из деятельности МОО «Понимание» Вы могли бы привести?

– Один из самых свежих и в то же время ярких примеров – создание центра содействия розыску пропавших и эксплуатируемых детей. Партнерство, сложившееся в процессе реализации этого проекта между государственной структурой в лице МВД и общественной организацией в лице нашего объединения, иначе как образцовым не назовешь. С моей точки зрения, это свидетельство высочайшего профессионализма и гражданской позиции наших правоохранителей. Профессионалы сыска, которых в народе с оттенком уважительного восхищения принято называть «волкодавами», оказались в то же время очень отзывчивыми людьми, когда речь заходит о слезинке ребенка, и, помимо всего прочего, весьма восприимчивыми к инновациям в организации подхода к их розыску. Совместно со специалистами МВД был составлен отличный план, и работа по нему началась.

С центром содействия розыску у нас процесс пошел очень активно, на его создание от задумки до воплощения ушло 9 месяцев. Недавно на базе академии МВД под эгидой данного министерства состоялось очередное мероприятие из этого плана – круглый стол, посвященный совершенствованию межсекторного взаимодействия при проведении розыскных мероприятий по фактам безвестного

исчезновения детей, а также предупреждению их самовольных уходов из семей, интернатных и других учреждений. В данный момент формирование государственно-частного партнерства в этой сфере продолжается. К двум компонентам, о которых говорилось выше, предстоит в полной мере подключить активность частной инициативы в виде отчасти прилегающего на сегодняшний день к нашему объединению пока разрозненного, и в то же время имеющего очень значительную перспективу развития волонтерского движения.

– Андрей Михайлович, ссылка на известную цитату Достоевского, без которой не обходится, пожалуй, ни одна публикация о защите прав ребенка, у подавляющего большинства людей рождает ассоциативное восприятие проблемы, делающее ненужными какие-либо дополнительные пояснения. И все-таки: почему в центр деятельности общественного объединения «Понимание» поставлены именно дети?

– Дети – это наше будущее, и поэтому инвестиции в ребенка, в его защиту – самые благодарные. К тому же не вызывает сомнения, что области, связанные с охраной детей и защитой их прав, а также борьбой с торговлей людьми являются своеобразными точками роста гуманитарной сферы Беларуси, ее развития. Именно таким областям, где за счет минимума инвестиций можно достичь максимума эффекта, где общественный прогресс наиболее очевиден, считаю, должно уделяться наиболее пристальное внимание. Поэтому мы испытываем глубокое удовлетворение: как минимум три серьезных предложения из числа тех, которые мы постоянно продвигаем – по созданию Детской линии, по организации судебно-следственного механизма в интересах ребенка и по задействованию потенциала межсекторного партнерства в обозначенной области, – вошли в Национальный план действий по охране детей и защите их прав на 2012–2016 годы. Этот документ, утвержденный постановлением Совета Министров, на ближайшие пять лет обретает практически силу закона в области защиты детских прав в нашей стране, и мы намерены приложить все усилия для его неукоснительного исполнения.

Беседовала Галина МОХНАЧ